

ФАИНА
РАНЕВСКАЯ

ПИОНЕРЫ,
ИДИТЕ
В Ж★ПУ!

Фаина Георгиевна Раневская
Пионеры, идите в ж*пу!
Серия «Золотая коллекция
афоризмов и цитат»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538128

*Пионеры, идите в ж*пу! / Фаина Раневская: АСТ; Москва; 2017*

ISBN 978-5-17-104563-0

Аннотация

Фаина Раневская – одна из самых талантливых актрис и неординарных личностей XX столетия. Эта книга – квинтэссенция остроумия, цинизма, тонкой самоиронии и мудрости с налетом насмешки. Самые точные, хлесткие и смешные высказывания легенды кинематографа с каждым годом как хорошее вино становятся все вкуснее и тонченнее.

Фаина Раневская

Пионеры, идите в ж*пу!

* * *

Когда в Москву привезли «Сикстинскую мадонну», Фаина Георгиевна слышала разговор двух чиновников из Министерства культуры. Один утверждал, что картина не произвела на него впечатления. Раневская заметила:

– Эта дама в течение стольких веков на таких людей производила впечатление, что теперь она сама вправе выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет!

* * *

На вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?» – она обычно отвечала: «Нет, я просто так выгляжу».

* * *

Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Всё будет настоящим, – успокаивает ее Раневская. – Всё:

и жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

* * *

Сотрудница Радиокомитета Н. постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он ее бросал, то она делала от него аборт. Раневская называла ее «жертва ХераСимы».

* * *

Однажды Раневскую спросили: почему красивые женщины пользуются большим успехом, чем умные?

— Это же очевидно: ведь слепых мужчин совсем мало, а глупых пруд пруди.

* * *

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

— Жалко, что мы не захватили пианино, — говорит Фаина Георгиевна.

— Неостроумно, — замечает кто-то из сопровождавших.

— Действительно неостроумно, — вздыхает Раневская. —

Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

* * *

Однажды Юрий Завадский, худрук Театра им. Моссовета, где работала Фаина Георгиевна Раневская (и с которым у нее были далеко не безоблачные отношения), крикнул в запале актрисе: «Фаина Георгиевна, вы своей игрой сожрали весь мой режиссерский замысел!» «То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма!» – парировала Раневская.

* * *

Идущую по улице Раневскую толкнул какой-то человек, да еще и обругал грязными словами. Фаина Георгиевна сказала ему:

– В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.

* * *

Актеры обсуждают на собрании труппы товарища, который обвиняется в гомосексуализме:

«Это растление молодежи, это преступление!»

– Боже мой, несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой, – вздохнула Раневская.

* * *

Объясняя кому-то, почему презерватив белого цвета, Раневская говорила: «Потому что белый цвет полнит».

* * *

– Я не пью, я больше не курю и я никогда не изменяла мужу потому еще, что у меня его никогда не было, – заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

– Так что же, – не отстает журналист, – значит у вас совсем нет никаких недостатков?

– В общем, нет, – скромно, но с достоинством ответила Раневская. И после небольшой паузы добавила: – Правда, у меня большая жопа, и я иногда немножко привираю!

* * *

Настоящая фамилия Раневской – Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я – дочь

небогатого нефтепромышленника...»

Дальше дело не пошло.

* * *

В архиве Раневской осталась такая запись: «Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания – это богатство старости».

* * *

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

– Дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...

* * *

– Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Пре-

лестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

* * *

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

– Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «Судьба – шлюха».

* * *

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

– Фаина, – сказал Эйзенштейн, – ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставлять людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась.

Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула:

– Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

* * *

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

– Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

– Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

– Но ведь так нельзя жить, Фаина.

– А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

– Господи! У вас даже окно не открывается...

– По барышне говядина, по дерьму черепок...

* * *

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

– Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

– Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

* * *

– Как вы живете? – спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

– Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, – ответила Фаина Георгиевна.

* * *

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

– Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

* * *

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф. – *Ред.*). Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки... 48-й год, 30 мая».

(Из записной книжки народной артистки).

* * *

– Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, – говорила она об одной актрисе.

Обсуждая только что умершую подругу— актрису:

– Хотелось бы мне иметь ее ноги – у нее были прелестные ноги! Жалко – теперь пропадут...

* * *

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

– Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красotka!»

* * *

Скажите Фаине Георгиевне, – обращался режиссер Варпаховский к своему помощнику Нелли Молчадской, – скажите ей, пусть выходит вот так, как есть, с зачесанными волосами, с хвостом.

Он все еще имел наивность думать, что кто-то способен влиять на Раневскую.

Памятуя советы осторожных, он тщательно подбирал слова после прогона:

– Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, – я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

– Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

– Даю слово, Фаина Георгиевна.

– Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

– Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

– Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я говно?!

* * *

Увидев исполнение актрисой Х. роли узбекской девушки в спектакле «Кахара» в филиале «Моссовета» на Пушкинской улице, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шлюха корчит из себя невинность».

* * *

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли «Пышки», и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

* * *

В разговоре Василий Катанян сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.

– А как Бабанова в Офелии? – спросила Фаина Георгиевна.

– Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний...

– Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это болонка в климаксе, – съязвила Раневская.

* * *

– Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, – зазывала к себе Раневская.

* * *

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров о том, чтобы, если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

– Здравствуйте!

Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

– Здравствуйте!

Опять та же реакция.

– Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

* * *

– Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, – жалуется Раневская психиатру.

– А в чем дело? Каковы симптомы?

– Очень тревожные: все, что говорит Завадский, кажется мне разумным...

* * *

Узнав, что ее знакомые идут сегодня в театр посмотреть ее на сцене, Раневская пыталась их отговорить:

– Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая... Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

– Почему после второго?

– После первого очень уж большая давка в гардеробе.

* * *

Раневская повторяла: «Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все— таки дадут интересную роль?»

Ей послали пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где была маленькая роль старой актрисы. Вскоре Раневская позвонила Марине Нееловой: «Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!»

* * *

В Театре имени Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее не прекращались споры с главным режиссером Юрием Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала: — Я не люблю мессу в бардаке.

* * *

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного

зала, хлопнув дверью, с криком «Пойду повешусь!» Все были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

* * *

В «Шторме» Билль-Белоцерковского Раневская с удовольствием играла «спекулянтку». Это был сочиненный ею текст – автор разрешил. После сцены Раневской – овация, и публика сразу уходила. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а Завадский ее «спекулянтку» из спектакля убрал. Раневская спросила у него: «Почему?»

Завадский ответил: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля...»

Раневская предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

* * *

Однажды Завадский закричал Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», – достаточно громко пробурчала Фаина. «Вон из театра!» – крикнул мэтр. Ра-

невская, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!!»

* * *

Раневская называла Завадского маразма— тиком-затейником, уцененным Мейерхольдом, перпетум кобеле.

* * *

Как-то она и прочие актеры ждали прихода на репетицию Завадского, который только что к своему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда.

После томительного ожидания режиссера Раневская громко произнесла:

– Ну, где же наша Гертруда?

* * *

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома — даму средних лет, заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходившая со сцены, в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

– Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

* * *

Творческие поиски Завадского аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру».

* * *

Делая скорбную мину, Раневская замечала: – В семье не без режиссера.

* * *

Как-то раз Раневскую остановил в Доме актера один поэт, занимающий руководящий пост в Союзе писателей.

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела?

– Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обо всем расскажу.

– Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на заседание...

– Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы послушайте. Тем более что я вас не задержу надолго, минут сорок, не больше.

Руководящий поэт начал спасаться бегством.

— Зачем же тогда спрашивать, как я живу?! — крикнула ему вслед Раневская.

* * *

Раневская говорила начинающему композитору, сочинившему колыбельную:

— Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки...

* * *

— Берите пример с меня, — сказала как-то Раневской одна солистка Большого театра. — Я недавно застраховала свой голос на очень крупную сумму.

— Ну, и что же вы купили на эти деньги?

* * *

За исполнение произведений на эстраде и в театре писатели и композиторы получают авторские отчисления с кассового сбора.

Раневская как-то сказала по этому поводу: — А драматурги неплохо устроились — получают отчисления от каждого

спектакля своих пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает. Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за телеграммы, которые подаются в его доме!

* * *

Раневская кочевала по театрам. Театральный критик Наталья Крымова спросила:

- Зачем все это, Фаина Георгиевна?
- Искала... – ответила Раневская.
- Что искали?
- Святое искусство.
- Нашли?
- Да.
- Где?
- В Третьяковской галерее...

* * *

Ольга Аросева рассказывала, что, уже будучи в преклонном возрасте, Фаина Георгиевна шла по улице, поскользну-

лась и упала. Лежит на тротуаре и кричит своим неподражаемым голосом:

– Люди! Поднимите меня! Ведь народные артисты на улице не валяются!

* * *

Поклонница просит домашний телефон Раневской. Раневская:

– Дорогая, откуда я его знаю? Я же сама себе никогда не звоню.

* * *

Валентин Маркович Школьников, директор-распорядитель Театра имени Моссовета, вспоминал: «На гастролях в Одессе какая-то дама долго бежала за нами, потом спросила:

– Ой, вы – это она?

Раневская спокойно ответила своим басовитым голосом:

– Да, я – это она».

* * *

Как-то в скверике у дома к Раневской обратилась какая-то женщина:

– Извините, ваше лицо мне очень знакомо. Вы не артистка?

Раневская резко парировала:

– Ничего подобного, я зубной техник.

Женщина, однако, не успокоилась, разговор продолжался, зашла речь о возрасте, собеседница спросила Фаину Георгиевну:

– А сколько вам лет?

Раневская гордо и возмущенно ответила:

– Об этом знает вся страна!

* * *

Как-то Раневская, сняв телефонную трубку, услышала сильно надоевший ей голос кого-то из поклонников и заявила:

– Извините, не могу продолжать разговор. Я говорю из автомата, а здесь большая очередь.

* * *

После спектакля «Дальше – тишина» к Фаине Георгиевне подошел поклонник.

Товарищ Раневская, простите, сколько вам лет?

– В субботу будет сто пятнадцать.

Он остолбенел:

– В такие годы и так играть!

* * *

В купе вагона назойливая попутчица пытается разговаривать Раневскую:

Позвольте же вам представиться. Я – Смирнова.

– А я – нет.

* * *

Брежнев, вручая в Кремле Раневской орден Ленина, выпалил:

– Муля! Не нервируй меня!

– Леонид Ильич, – обиженно сказала Раневская, – так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы.

Генсек смутился, покраснел и пролепетал, оправдываясь:

– Простите, но я вас очень люблю.

* * *

В Кремле устроили прием и пригласили на него много знатных и известных людей. Попала туда и Раневская. Предполагалось, что великая актриса будет смешить гостей, но ей

самой этого не хотелось. Хозяин был разочарован:

– Мне кажется, товарищ Раневская, что даже самому большому в мире глупцу не удалось бы вас рассмешить.

– А вы попробуйте, – предложила Фаина Георгиевна.

* * *

После спектакля Раневская часто смотрела на цветы, корзину с письмами, открытками и записками, полными восхищения – подношения поклонников ее игры – и печально замечала:

– Как много любви, а в аптеку сходить некому.

* * *

Одной даме Раневская сказала, что та по—прежнему молода и прекрасно выглядит.

– Я не могу ответить вам таким же комплиментом, – дерзко ответила та.

– А вы бы, как и я, соврали! – посоветовала Фаина Георгиевна.

* * *

В доме отдыха на прогулке приятельница проникновенно

заявляет:

– Я обожаю природу.

Раневская останавливается, внимательно осматривает ее и говорит:

– И это после того, что она с тобой сделала?

* * *

Раневская подходит к актрисе N., мнившей себя неотразимой красавицей, и спрашивает:

– Вам никогда не говорили, что вы похожи на Бриджит Бардо?

– Нет, никогда, – отвечает N., ожидая комплимента.

Раневская окидывает ее взглядом и с удовольствием заключает:

– И правильно, что не говорили.

* * *

Хозяйка дома показывает Раневской свою фотографию детских лет. На ней снята маленькая девочка на коленях пожилой женщины.

– Вот такой я была тридцать лет назад.

– А кто эта маленькая девочка? – с невинным видом спрашивает Фаина Георгиевна.

* * *

Даже любя человека, Раневская не могла удержаться от колкостей.

Досталось и Любове Орловой. Фаина Георгиевна рассказывала, вернее, разыгрывала миниатюры, на глазах превращаясь в элегантную красавицу-Любочку.

Любочка рассматривает свои новые кофейно-бежевые перчатки:

– Совершенно не тот оттенок! Опять придется лететь в Париж.

* * *

Раневская обедала как-то у одной дамы, столь экономной, что Фаина Георгиевна встала из-за стола совершенно голодной. Хозяйка любезно сказала ей:

– Прошу вас еще как-нибудь прийти ко мне отобедать.

– С удовольствием, – ответила Раневская, – хоть сейчас!

* * *

Рина Зеленая рассказывала:

В санатории Раневская сидела за столом с каким-то зану-

дой, который все время хаял еду. И суп холодный, и котлеты не соленые, и компот не сладкий. (Может, и вправду.) За завтраком он брезгливо говорил: «Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, я помню, были яйца!»

— А вы не путаете ее с папочкой? — осведомилась Раневская.

* * *

На заграничных гастролях коллега заходит вместе с Фаиной Георгиевной в кукольный магазин «Барби и Кен».

— Моя дочка обожает Барби. Я хотел бы купить ей какой-нибудь набор...

— У нас широчайший выбор, — говорит продавщица, — «Барби в деревне», «Барби на Гавайях», «Барби на горных лыжах», «Барби разведенная»...

— А какие цены?

— Все по 100 долларов, только «Барби разведенная» — двести.

— Почему так?

— Ну как же, — вмешивается Раневская. — У нее ко всему еще дом Кена, машина Кена, бассейн Кена...

* * *

Приятельница сообщает Раневской:

– Я вчера была в гостях у Н. И пела для них два часа...

Фаина Георгиевна прерывает ее возгласом:

– Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!

* * *

Раневскую о чем-то попросили и добавили:

– Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

– Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

* * *

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, раздался неприличный звук. Раневская наклонилась к уху соседа и шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

– Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

Артист «Моссовета» Николай Афонин жил рядом с Раневской. У него был «горбатый» «Запорожец», и иногда Афонин подвозил Фаину Георгиевну из театра домой. Както в его «Запорожец» втиснулись сзади три человека, а впереди, рядом с Афониным, села Раневская. Подъезжая к своему дому, она спросила:

– К-Колечка, сколько стоит ваш автомобиль?

Афонин сказал:

– Две тысячи двести рублей, Фаина Георгиевна.

– Какое блядство со стороны правительства, – мрачно заключила Раневская, выбираясь из горбатого аппарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.